

В.Ф. Панова о психологическом взрослении в дошкольном детстве

V.F. Panova on psychological growing up in preschool childhood

УДК 373.2

Получено: 19.11.2022

Одобрено: 29.11.2022

Опубликовано: 25.12.2022

Урунтаева Г.А.

Д-р психол. наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, г. Москва

Uruntaeva G.A.

Doctor of Psychological Sciences, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Moscow

Аннотация

В статье рассматриваются представления В.Ф. Пановой (1905-1973), известной советской писательницы, знатока детской психологии, о взрослении или психическом развитии в дошкольном детстве в условиях познания ребенком окружающего мира и взаимодействия с ним. Решающее влияние на эмоциональные переживания, размышления и поведение мальчика оказывает совокупность трех составляющих этого мира: природа, животные, маленький городок и улица проживания, предметы; группа ребят; а главным образом близкие взрослые с их моральными нормами и правилами. Взросление обуславливает не сама по себе цепь жизненных событий. Его ведущими факторами выступают, с одной стороны, умственная и практическая деятельность дошкольника, направленная на понимание, вхождение, установление связей с каждой из составляющих мира и, с другой, общение со взрослым, стоящим на гуманистической, личностно-ориентированной, гендерной позиции в отличие от авторитарной, формально-педагогической. В процессе взросления у ребенка формируются такие важнейшие психологические приобретения: во-первых, произвольность поведения и деятельности, познавательных и эмоциональных процессов; во-вторых, интеллектуальная деятельность в сфере размышлений о трех составляющих окружающего мира, осознания своего места во взаимоотношениях с каждой из них, но, прежде всего, с близкими в соответствии с главной нравственной нормой – справедливостью. Переход к новой ступени психического развития связан с завершением лучезарного детства и встречей ребенка с трагическими тайнами человеческого бытия – разлука, печаль и др.

Ключевые слова: взросление, личностно-ориентированное и авторитарное воспитание, наглядно-образное мышление, общение с природой, товарищами, взрослыми, произвольность поведения и деятельности.

Abstract

The article examines the ideas of V.F. Panova (1905-1973), a famous Soviet writer, an expert in child psychology, about growing up or mental development in preschool childhood in the conditions of a child's knowledge of the surrounding world and interaction with it. The combination of three components of this world has a decisive influence on the emotional experiences, reflections and behavior of a boy: nature, animals, a small town and a street of residence, objects; a group of children; and mainly close adults with their moral norms and rules. Growing up does not determine the chain of life events by itself. Its leading factors are, on the one

hand, the intellectual and practical activity of a preschooler aimed at understanding, entering, establishing connections with each of the components of the world, and, on the other, communication with an adult who stands on a humanistic, personality-oriented, gender position in contrast to the authoritarian, formal pedagogical one. In the process of growing up, such important psychological acquisitions are formed in a child: firstly, the arbitrariness of behavior and activity, cognitive and emotional processes; secondly, intellectual activity in the sphere of thinking about the three components of the surrounding world, awareness of one's place in relationships with each of them, but above all with loved ones in accordance with the main moral norm – justice. The transition to a new stage of mental development is associated with the completion of a radiant childhood and the child's encounter with the tragic mysteries of human existence – separation, sadness, etc.

Keywords: growing up; personality-oriented and authoritarian upbringing; visual-imaginative thinking, communication with nature, friends, adults; arbitrariness of behavior and activity.

(Окончание. Начало в № 5 – 2022 «Журнал педагогических исследований»)

Общение с близкими взрослыми. Мир взрослых, в котором жил Сережа, был очень узким: домашние – мама, тетя Паша и Лукьяныч, близкие его товарищей. Он вызывал у Сережи огромный интерес, любопытство, пристальное внимание, особенно, когда немного расширился благодаря появлению отчима Коростелева, его родственников и сослуживцев. Позиция первооткрывателя, исследователя направляла мальчика на наблюдение, познание, понимание не только живой природы, ребят, но и взрослых, их отношения к нему, способствовала представлению о том, что взрослый мир строится на основе нравственных норм и правил, прежде всего справедливости, а также задает таковые взаимодействию с предметами, животными, товарищами. Это наблюдение во многом определялось эгоцентрической позицией Сережи, непосредственностью его восприятия, наглядной образностью мышления, практическим житейским опытом. Взросление Сережи обуславливалось не только его участием в таких событиях жизни взрослых, а главным образом его умственной и практической деятельностью по их осмыслению: появление отчима Коростелева, похороны прабабушки, рождение брата, приезд Васькиного дяди-капитана, встреча с сидевшим в тюрьме дядькой, отъезд семьи в Холмогоры. Противоположные позиции Марьяны и Коростелева к воспитанию и общению с Сережей стали вехами в его сближении с отчимом и в отдалении от мамы.

Когда Марьяна согласилась выйти замуж за Коростелева, она сказала Сереже, что ей хочется, чтобы у сына был папа, предложив уже готовое решение. Она утвердительно спросила, правда ли, что без папы плохо. Сережа согласился с ней, потому что она так хотела, хотя не думал об этом и не был в этом уверен. Папу, убитого на войне, он видел только на карточке. Когда мама иногда, поцеловав карточку, давала ее Сереже для поцелуя, «он с готовностью прикладывал губы к стеклу, затуманившемуся от маминого дыхания, но любви не чувствовал: он не мог любить того, кого видел только на карточке» [6, с. 192]. Обращаясь к опыту наблюдений за ребятами, он быстро прикинул, лучше ли с папой или без него. Когда Тимохин, папа Шурика, катает детей на грузовике, все садятся наверху, а Шурик – всегда в кабину. Все ему завидуют, но не спорят. «Зато если Шурик не слушается, то Тимохин наказывает его ремнем... Но, должно быть, с папой все-таки лучше: недавно Васька обидел Лиду, так она кричала: «А у меня зато папа есть, а у тебя нет, ага!» [6, с. 192].

Сережа впервые столкнулся с жизненной сложностью после переезда к ним старого знакомого Коростелева. Мальчик удивился, что мама без объяснений его папой, представив под этим словом что-то чужое, невиданное. Тетя Паша и Лукьяныч звали его «Митя», а Сережа – «Коростелев», так как было трудно сказать «Дмитрий Корнеевич».

Когда вечером Коростелев несколько раз поцеловал Сережу, он решил, что тот так долго целуется, потому что теперь он его папа. Коростелев же, исходя в общении с мальчиком из уважения его личности, в отличие от мамы пояснил свои действия и позицию. Обращаясь к нему – брат Сергей, отчим сказал, что переехал к нему жить насовсем, если он не возражает, назвал важное правило будущей жизни: глупо драть ремнем за непослушание, так как можно договориться как мужчина с мужчиной. А также предложил в воскресенье купить Сереже игрушку на его вкус, а тот выбрал велосипед. Сережа поинтересовался, скоро ли оно наступит, через сколько дней. После указаний Коростелева на точку отсчета и направление движения будущего: завтра – пятница, потом суббота, а потом воскресенье, Сережа решил, что еще не скоро. И все-таки «воскресенье наступило внезапно, раньше, чем он надеялся, и Сережа сильно волновался, узнав, что оно наступило» [6, с. 204]. Так, представление о таких временных интервалах, как дни недели, помогало Сереже представить будущее, планировать свои действия, осознать себя во времени.

Но, проснувшись наутро после переезда Коростелева в тети Пашиной комнате, Сережа испытал тревогу, вызванную переменами в своей жизни, положении в семье, от которых неизвестно, что можно ожидать. Его комната была заперта, а ему непременно понадобились оставшиеся там игрушки, а лопатой очень захотелось покопать. Тетя Паша объяснила, что он возьмет ее, когда мама встанет. Т.к. «разумные, ласковые речи всегда действовали на Сережу успокоительно» [6, с. 197], он взял рогатку и вышел на улицу. Но тревога не отпускала, что заметили подошедшие ребята, объяснив ее женитьбой матери. Тревога сохранилась и в маминой комнате из-за непривычного запаха табака и чужого дыхания, валявшихся тут и там чужих вещей. Ее снизили действия Коростелева, который подарил пустую папиросную коробку на радость Сереже; отодвинул комод своими большими руками, а тот восхищенный достал кубик.

Проверяя статус Коростелева как своего папы, Сережа по дороге из гостей попросился к нему на плечо, ведь он видел, что отцы так носят сыновей. Несмотря на возражение мамы, что Сереже, как уже большому, стыдно проситься на руки, Коростелев поднял мальчика, подтвердив его преимущества. То есть с первого дня вхождения Коростелева в новую семью складывались противоположные позиции взрослых в общении с Сережей и его воспитании – гуманная, личностно-ориентированная Коростелева и авторитарная, формально-педагогическая Марьяны, формировались личные связи с отчимом и разрушались с мамой. Так, Панова ставила важные проблемы: возникают ли и при каких условиях тесные контакты отчима с пасынком, как влияют появление нового мужа и рождение второго сына на взаимоотношения матери с первенцем, какие воспитательные позиции взрослых наиболее эффективны в дошкольном детстве. Прошедший войну, Коростелев, а теперь – руководитель совхоза, добрый, умный, участливый, сильный, всемогущий человек, хорошо разбирался в людях, уважал их. Он быстро нашел индивидуальный подход к Сереже, основанный на естественной человечности, любви к маленькому ребенку, доверии к его личности, уважении его просьб, забот, интересов, мнений, умения говорить с ним всерьез, как равный с равным. Он стал не просто отчимом, а отцом Сережи, его другом и защитником. А Марьяна с появлением новых предметов любви и привязанности – Коростелева, а затем второго сына – Лени, все меньше внимания обращала на своеобразие душевной жизни Сережи. Она, конечно, по-прежнему его любила, была заботлива и нежна с ним, но постепенно теряла контакт с ним. Марьяна требовала формального выполнения нравственных норм, не задумываясь над тем, как Сережа понимает их, как к ним относится, каковы мотивы его поступков. Зачастую она прибегала к назиданиям, запретам, одергиваниям, отмахивалась от вопросов Сережи: «Тебе рано об этом думать».

Коростелев, последовательно следуя стратегии мужского подхода в воспитании мальчика, ходил с ним купаться на речку и учил плавать, смеясь над опасениями Марьяны, что тот утонет. Вопреки ее боязни, что сын упадет и расшибется, снял с его кровати боковую сетку, чтобы он привыкал спать по-взрослому, тем более, может придется ехать в

поезде на верхней полке. Когда Сережа упал во дворе, ссадив колени в кровь, и заплакал, Коростелев сказал, что не плакал на войне после ранения, чтобы не смеялись товарищи: «Мы – мужчины, такое уж наше дело» [6, с. 213]. И тогда Сережа, доказывая свою мужскую сущность, бесшабашно позволил тете Паше завязать бинтом рану. После рассказа Коростелева о войне, «сидя с ним рядом за столом, Сережа испытывал гордость: если будет война, кто пойдет воевать? Мы с Коростелевым. Такое уж наше дело. А мама, тетя Паша и Лукьяныч останутся тут ждать, пока мы победим, такое уж ихнее дело» [6, с. 214]. То есть осознание Сережей своей половой принадлежности углублялось благодаря заботам отчима по освоению мальчиком соответствующих мужчине видов деятельности и нравственных норм.

Взрослые требовали от Сережи наряду со знанием норм следованию им, т.е. произвольности поведения. Некоторые нормы Сережа выполнял произвольно. Понимая на собственном опыте, что нельзя быть жадным, надо делиться с близкими, заботиться о них, он выбрал для мамы большой пряник с белой сахарной корочкой из полученного на новогоднем празднике подарка – мешочка со сладостями. В гости, не важно к кому, он собирался с удовольствием, ведь там давали конфеты и показывали игрушки. В непонятных ситуациях следовал примеру взрослых. Услышав, что бабушка Настя поздравила маму и Коростелева, Сережа решил, что был какой-то праздник. А потому ответил, как отвечала в таких случаях тетя Паша: «И вас также», не подозревая, что речь шла о женитьбе.

Но все-таки многие правила взрослых Сережа воспринимал как ненужные, что говорило о намечающемся разрыве взрослого и детского миров из-за непонимания ими друг друга. Например, относил к таковым «никчемное занятие, придуманное на страдание людям» [7, с. 86] – зашнуровывать и расшнуровывать ботинки, тратить время летом на одевание и раздевание, когда можно бегать в трусиках. Ненужными мальчик считал и многие слова взрослых, оценивающие или выражающие требования к его поведению. Когда он проливал чай на скатерть или разбивал что-нибудь, тетя Паша укоряла его в неаккуратности, ведь он не маленький. Но Сережа слышал эти слова сто раз, более того он и без них, как только увидел сделанное, понял свою вину, огорчился, ему стало стыдно и захотелось лишь одного, чтобы поскорее убрали скатерть, пока не увидели другие. Сережа, оправдываясь, говорил, что он сделал это не нарочно, а чашка сама выскользнула из пальцев. Петя Паша возмущалась тем, что он мог сделать такое нарочно. Оценивая лишь результат действия Сережи, она не задумывалась о причинах случившегося, о переживаниях Сережи по этому поводу и его самооценке. А ведь в нравственном развитии Сережи складывались взаимосвязи моральных знаний, представлений, критериев моральных оценок (что хорошо и что плохо) с морально ценными переживаниями по поводу выполнения (чувство гордости, радости) или нарушения норм (чувство вины, стыда, огорчения) и с моральным поведением, т.е. добровольным следованием нормам или вопреки им. Сережа же, сравнивая себя со взрослыми в подобных ситуациях, по отношению к себе замечал несправедливость: разбивая стаканы и тарелки, они воспринимали это как должное, как будто, так и надо. Даже в гостях у бабушки Насти ему не дали самое лучшее – вино. Когда же Коростелев налил ему немножко, несмотря на протест мамы, Сережа решил, что с ним не пропадешь.

Слово «пожалуйста» Сережа также считал ничего не значащим. Требование мамы говорить его основывалось на формальном выполнении нормы, а не на ее осознании сыном: без этого слова, обозначающего просьбу, невежливо, невоспитанно просить карандаш, который она при таком обращении даст с удовольствием, а без него даже без удовольствия не даст. Поэтому Сережа следовал правилам взрослых и говорил им «пожалуйста» не потому, что понимал их важность и нужность, а потому что «при всех своих странностях они сильны и властвуют над детьми, они могут дать или не дать Сереже карандаш, как им вздумается» [6, с. 211]. Сережа замечал, что о таких пустяках не беспокоился Коростелев, никогда не отрывал мальчика от занятий в его уголке, не разрушал игру. А Лукьяныч, придя с работы, мог сказать что-нибудь глупое вроде: «Иди, я тебя поцелую», чтобы потом дать

яблоко или шоколадку. Он не подозревал, что для Сережи игра была важнее яблока, которое он съел бы позднее.

Сережа чутко реагировал на отношение и оценки его не только детьми, но и взрослыми, даже незнакомыми. Когда девочки в школьной раздевалке обратили внимание на него, такого закутанного, пришедшего с мамой на елку, а женщина в синем халате спросила, кто его так упаковал, он решил: «Ни за что больше не дам надевать на себя столько... Лягу на пол и не дам» [7, с. 133]. Сереже понравилось, что старичок-продавец, назвал его «молодым человеком», когда велел принести из кладовой магазина двухколесный велосипед. Свои интеллектуальные способности Сережа оценивал, ориентируясь, с одной стороны, на мнение взрослых, которые говорили, что он развитой, а с другой, – на осознание своих знаний и умений. Ведь он помнил наизусть целую кучу книжек, а новую запоминал после ее прочтения два или три раза. Буквы он знал, но самому читать было пока очень долго. А в оценке результатов своих действий Сережа иногда ошибался. Так, он решил, что научился ездить на велосипеде, когда его катил из магазина игрушек Коростелев.

Против замечаний взрослых, несправедливых по мнению Сережи, он протестовал, например, старой-престарой прабабушки, ужасно не понравившейся ему в гостях у бабушки Насти: «Он зальет скатерть! Как ты ешь! Как ты сидишь! Веди себя, как следует!» Когда Сережа пролил немного вина, она сказала: «Ну, конечно!» и предупредила: «Погодите, он вам себя покажет!» Выпив немного вина, Сережа храбро крикнул ей: «Пошла вон! Я тебя не боюсь!» Мама ужаснулась, а Коростелев заступился, заметив, что сейчас все пройдет.

На дикие и бессмысленные, но осознанные проступки Сережу толкали болезнь и скука. Ему не доставило удовольствия, но все-таки было занятием соскабливание ножом краски с дверей там, где она вздулась пузырями, или разматывание до конца клубка шерсти тети Паши, чтобы потом смотать его снова, что не удавалось. Сережа понимал, «что совершает преступление, что тетя Паша будет ругаться, а он будет плакать, – и она ругается, и он плачет, но в глубине души у него удовлетворение: поругались, поплакали – глядишь, и провели время не без событий» [6, с. 261].

Взаимоотношения близких, еще не доступные для понимания Сережи, он воспринимал, опираясь на свой практический опыт, что вновь говорило о разрыве взрослого и детского миров. Когда он напомнил Коростелеву о походе в магазин за велосипедом, тот пообещал маленько управиться с делами. Но поскольку Сережа видел, что кроме разговора с мамой дел у него никаких не было, мальчик решил, что тот соврал. Этот разговор был непонятый и неинтересный, хотя им нравился. Мама говорила долго-долго, повторяя одно и то же слово зачем-то сто раз. Сережа кружил вокруг них, ожидая, когда же им надоест это занятие. Они брались за руки, будто играли в «золотые ворота». Когда Коростелев говорил: «Я тебя люблю», – мама переспрашивала: «Правда?». Сережа думал, что она поверила, если бы он сказал ей: «честное пионерское» или «провалиться мне на этом месте». Когда Коростелеву надоело отвечать, они, наверное, целый час смотрели друг на друга. А потом мама, как в игре, когда все по очереди говорят одно и то же, снова сказала: «Я тебя люблю». Сережа ожидал конца этого занятия, опираясь на знание жизни. Оно говорило, «что не следует приставать к взрослым, когда они увлечены своими разговорами: взрослые этого не выносят, они могут рассердиться, и неизвестно, какие будут последствия. Он лишь осторожно напоминает о себе, оставаясь у них на виду и тяжело вздыхая» [6, с. 205].

Взрослых Сережа оценивал, как и ребят, не только по внешности, но по роду занятий и увлечений, следованию нравственным нормам. Он следил, выполняют ли они правила, какие качества проявляют, какие отношения между ними складываются, как они относятся к детям и к нему. Сережа заметил, что Женькина тетка несправедливо указала на лень и неспособность племянника. А тот приспособил цветные елочные лампочки к Сережиной игрушке-семафору, лепил из пластилина человечков и зверей; с удовольствием выполнял просьбы ребят или тети Паши (наколоть дрова, принести воды), стараясь сделать

лучше при похвале. Несправедливо, думал Сережа, что, когда Женька станет рабочим, будет отдавать деньги тетке, которая только кричала на него.

Сережа с Шуриком любовались Васькиным дядей, до чего он был хорош. Но несмотря на всю его внешнюю красоту, мальчикам надоели его восторги воздухом, деревьями в роще, колосьями в полях, речкой: «До чего же пре-лестно! Какая благодать! После тропиков отдыхаешь душой». А рассказов о море, островах они так и не дождались. Зато вечером слышали, как дядя своим мягким голосом нежно назвал Ваську негодяем, мерзавцем, скотиной, посоветовал Васькиной маме держать его в ежовых рукавицах, видели, как искрошил его пачку папирос.

Сережа считал близких взрослых очень ленивыми, так как они зачастую отговаривались своей занятостью на просьбы почитать или рассказать сказку. Ведь когда тетя Паша стряпает, у нее заняты только руки, а рот свободен. И если она и соглашалась рассказать сказку, то лишь одну. По вечерам мама увивала от чтения, потому что, придя из школы, кормила и купала Леню, разговаривала с Коростелевым, проверяла тетрадки. И теперь она снова сказала, что занята, а сама зачем-то по-новому укладывала волосы перед зеркалом, заметив, что Сережа действует ей на нервы, а тот задумался, каким же образом он действует.

Сережа с почтением и интересом относился к дяде Толе, молодому, красивому, занимательному человеку, который лечил коров и умел сочинять великолепные стихи про многое, «совершенно такие же певучие и гладкие, как в книжках. ...Все его хвалят, и мама наливает ему чаю» [6, с. 212]. А дядю Петю с противным лицом и смехом Сережа сторонился, ведь тот обманул его, предложив вместо большой и редкой конфеты «Мишка косолапый» фантик от нее. Сережа вежливо поблагодарил: «Спасибо», развернул пустую бумажку, и ему «стало совестно – за себя, что поверил, и за дядю Петю, что обманул. Сережа увидел, что и маме совестно, она тоже поверила» [6, с. 212]. Дядя Петя засмеялся, а мальчик назвал его с сожалением, не сердито, но осознанно «дураком», не сомневаясь в правильности нравственной оценки его поступка. Уверенный, что мама с ним согласна, он удивился, когда она потребовала извинений, назвала его грубияном, отказалась разговаривать с ним, и таким образом оказался в ситуации нравственного выбора опять-таки по причине разрыва детского и взрослого миров. Но, не сомневаясь в своей правоте, он не раскаялся, не попросил прощения, а испытал нравственные страдания из-за непонятного поведения мамы. «Он сжал губы и отвел глаза, ставшие грустными и холодными. Он не чувствовал себя виноватым: в чем же он должен просить прощения? Он сказал то, что подумал. ...Он занялся игрушками, бессознательно стараясь отвлечься от случившегося. Его тоненькие пальцы дрожали, перебирая фигуры, вырезанные из старых карт... Почему мама заступилась за глупого дядю Петю? Вон она с ним разговаривает и смеется как ни в чем не бывало, а с Сережей не хочет разговаривать» [6, с. 212]. Мнения Марьяны и Коростелева о поступке Сережи разошлись. Она считала, что Сереже не следует думать о поведении взрослых, а тем более оценивать его, он должен лишь следовать готовым истинам – уважать, а не критиковать взрослых, иначе его трудно будет воспитывать так как для критики взрослых нужно до них дорасти. Коростелев назвал оценку Сережей Петра Ильича – «дурака дураком» справедливой критикой, ведь мальчик давно умственно перерос этого олуха, за что Сережа почувствовал к отчиму благодарность. Тот был уверен в необходимости поддержать размышления Сережи о сложных нравственных проблемах, его активность в творческом освоении мира и проявлении в нем себя.

Сережа все больше симпатизировал Коростелеву, считая его хорошим человеком. В его могуществе мальчик убедился, когда к ним провели первый и единственный телефон на Дальней улице, и он увидел, скольким людям тот требуется, ведь Сереже и тете Паше никогда никто не звонил. Сережа стал гордиться Коростелевым, когда понял, наблюдая за его делами и отношениями с людьми в поездке с ним на «газике», что он «не только

всемогущий, но и добрый... умнее всех и лучше всех, раз его поставили надо всеми» [6, с. 230].

Общение Сережи во время лечения после сделанной татуировки еще с одним взрослым – доктором обостряло чувство собственного достоинства, помогая росту самосознания. Хотя взрослые были с ним нежны и ласковы, они мучили его не хуже Валерия, сделавшего татуировку. Особенно отличился доктор, бесчеловечно вливающий Сереже пенициллин. «Сережа, не плакавший от боли, рыдал от унижения, от бессилия перед унижением, оттого, что оскорблялась его стыдливость... Доктору было мало, он присылал вредную тетку в белом халате, медсестру, которая специальной машинкой резала Сереже пальцы и выдавливала из них кровь. После пыток доктор шутил и гладил Сережу по голове, это было уже издевательство» [6, с. 251]. Оно толкало Сережу к размышлениям о первопричинах своего несчастья, поведения в произошедшей ситуации: «Я бы не заболел, ...если бы я не сделал себе татуировку, если бы не познакомился с Васькиным дядей. А я бы с ним не познакомился, если бы он не приехал к Ваське. Да, не захоти он приехать, ничего бы не случилось, я был бы здоров» [6, с. 251]. Не чувствуя неприязни к Васькиному дяде, он сделал вывод о том, что поведение человека зависит не от его желаний и действий, а лишь от цепи внешних событий: «Просто, видимо, на свете одно цепляется за другое, не предугадаешь, когда и где грозит беда» [6, с. 251]. Пока Сережа не осознал тот факт, что самостоятельно принял решение о татуировке, пусть и после тяжелых колебаний. И хотя ответственность за свои поступки еще не сложилась, начало ее освоения положили размышления о их причинах.

Доктор поздней осенью опять заболевшему Сереже придумал новые мучения – рыбий жир и компрессы. После их накладывания Сережа ощущал свою голову, «как у гвоздя, вбитого в доску: не повернешь. И так живи» [6, с. 259]. Его не заставляли лежать, но не выпускали на улицу из-за дождя или температуры. А он не знал, чем заняться, ведь во время болезни надоели игрушки и рисование, ездить же на велосипеде по комнатам было тесно. В тишине маленького дома и сгустившихся сумерках «скука сковывает Сережу хуже болезни, делает вялыми его движения, сбивает мысли» [6, с. 269], толкает на проступки.

С одной из значительных тайн бытия – смертью близкого человека Сережа впервые встретился на похоронах прабабушки. О смерти он не задумывался, хотя видел смерть животных. Он наблюдал, как кот Зайка сначала играл с бегающей по полу мышкой, а потом бросился на нее, она перестала бегать, и он съел ее, лениво встряхивая сытой мордой. «Видел Сережа мертвого котенка, похожего на обрывок грязного меха, мертвых бабочек, с разорванными, прозрачными, без пыльцы, крылышками, мертвых рыбешек, выброшенных на берег, мертвую курицу, которая лежала в кухне на лавке: шея у нее была длинная, как у гуся, и в шее черная дырка, а из дырки в подставленный таз капала кровь» [6, с. 222]. Курицу мог зарезать только Лукьяныч, запираясь в сарае. Чтобы не слышать криков курицы, Сережа убежал, «и потом, проходя через кухню, с отвращением и невольным любопытством взглядывал искоса, уже больше не надо жалеть курицу, тетя Паша оципывала... и говорила успокоительно: «Она уже ничего не чувствует» [6, с. 222]. Сережа потрогал мертвого воробья, лежащего вверх ножками под теплой от солнца кустом сирени. Он оказался таким очень холодным, как льдинка, что Сережа со страхом отдернул руку и решил, что неподвижность и холод, очевидно, называется смертью. Лида, предложив похоронить воробья, велела Сереже выкопать ямку. В нее они положили специально убранный коробочку с воробьем и засыпали землей.

Мертвого человека Сережа не видел, но знал, что люди тоже иногда умирают, их кладут в гробы – длинные ящики и несут по улицам. Услышав от бабушки Насти о смерти прабабушки, он определил степень их родства: «Если дом бабушки Насти теперь пустой – значит, умерла прабабушка: они ведь вдвоем жили; она, значит, была бабушки-Настиной мамой» [6, с. 221]. Еще он подумал о последствии этого события для себя: «когда он пойдет в гости к бабушке Насте, то уже никто там не будет придирается и делать замечания» [6, с. 222]. Тетя Паша, умыв и нарядив Сережу, повела его на похороны прабабушки. Еще не

осознав смысла предстоящего события, Сережа позвал с собой стоящую у своих ворот Лиду, уверенный, что ей очень хотелось пойти. Но она, отметил Сережа, не решилась, потому что была в грязном платье и босиком, а он парадно одет.

В холодном подвале больницы с запахом земли и еще чего-то Сереже сначала показалось темно. Он влез на лавку, чтобы посмотреть в гроб, стоящий посередине. Вид мертвой прабабушки, лежащей в гробу, в сравнении с образом живой, у которой он был в гостях, потряс, испугал, ужаснул Сережу, ведь «там лежало что-то непонятное. Оно напоминало прабабушку: такой же запавший рот и костлявый подбородок, торчащий вверх. Оно было неизвестно что. У человека не бывает так закрытых глаз. Даже когда человек спит, глаза у него закрыты иначе... Оно было длинное-длинное. А прабабушка была коротенькая. Оно было плотно окружено холодом, мраком и тишиной, в которой боязливо шептались стоящие у гроба. Сереже стало страшно. Но если бы оно вдруг ожило, это было бы еще страшней. Если бы оно, например, сделало: «хрр...» При мысли об этом Сережа вскрикнул» [6, с. 225]. Мама вынесла Сережу из подвала и усадила в кабину машины к тете Тосе.

Хотя солнечный свет и людские голоса отогнали ужас, пережитое впечатление не оставило Сережу. Он задумался над сказанным тетей Пашей «являться перед господом», тетей Тосей «все там будем» и где же там, неужели на кладбище. «Увидев, что из подвала выносят гроб, он отвернулся. Было облегчение в том, что гроб закрыт крышкой. Но очень неприятно, что его поставили на грузовик. На кладбище гроб сняли и унесли» [6, с. 226]. Когда уходившие вернулись без гроба, тетя Тося подтвердила Сереже, что прабабушку засыпали землей. Дома он не мог есть, ему была противна еда. «Тихий, всматривался он в лица взрослых. Старался не вспоминать, но оно вспоминалось да вспоминалось – длинное, ужасное в холоде и запахе земли» [6, с. 226]. Приходя к пониманию смерти как важнейшей временной, конечной вехи в жизни человека, Сережа отнес ее к себе, а потому спросил, все ли мы умрем. А взрослые, не ожидающие такого вопроса и не готовые к ответу на него, «смугились так, будто он спросил что-то неприличное» [6, с. 227]. Но Коростелев твердо и торжественно пообещал, что близкие, в частности и Сережа, никогда не умрут, что он гарантирует. Сережа испытал огромное счастье, засмеялся, ему стало прекрасно и легко, ведь он не мог жить дальше, зная, что умрет, что превратится в холодное, мрачное, страшное оно. Он не усомнился в том, что Коростелев сказал правду, безоговорочно поверил его словам: «Ты не умрешь!», после которых мог спокойно жить дальше. Более того, возрастало доверие Сережи к объяснениям отчимом непонятного, поддержке в трудных ситуациях.

К еще одной тайне бытия – рождению Сережу попробовал приобщить Коростелев, предложив обсудить проблему появления в семье мальчика или девочки. На его вопрос о том, кого лучше завести, Сережа сразу ответил, опираясь на представление о своей половой принадлежности, что мальчика, ведь с ним лучше играть и они не дразнятся, как девочки. После этой беседы Сережа заметил, что взрослые серьезно задумали кого-то приобрести: купили кроватку и стеганое одеяло, мама сшила игрушечный чепчик, оставили уже дано тесную для Сережи ванну для него с такой маленькой головкой. Сережа знал, что детьми торгует больница, где одна женщина купила сразу двух и непонятно зачем совершенно одинаковых, различая их только по родинке на шее. Лучше бы она купила разных. Замечая, что взрослые оттягивали начатое дело, Сережа спросил у мамы, ставшей очень толстой, почему никого не покупают. Она пояснила, что пока нет в продаже, а Сережа знал, что так бывает, когда в продаже нет как раз нужного. Но он мог подождать, ведь ему не так уж к спеху.

Сережа видел на примере младшего брата Лиды, что маленькие дети медленно растут: Виктору всего год и шесть месяцев, хотя он и давно живет на свете. И если неизвестно, когда он сможет играть с большими детьми, то не стоит загадывать о таком отдаленном будущем, когда с Сережей сможет играть новый мальчик или девочка. Сережа высказал готовность помочь близким в благородном деле – беречь и защищать мальчика

или девочку до того, как он или она вырастет. Но считал это занятие не привлекательным, наблюдая, как Лида «трудно... воспитывать Виктора: изволь таскать его, забавлять и наказывать» [6, с. 234]. Из-за него она жила, как в тюрьме. А недавно она сидела дома и плакала, когда родители не взяли ее на свадьбу.

За новорожденным братом Коростелев и Сережа поехали в ту же самую больницу, где умерла прабабушка. Когда дома Сережа увидел развернутого на кровати брата, он не только не обрадовался появлению на свет нового человека, а скорее разочаровался, ведь Леня был совсем не красивый, а тем более умный, как утверждала мама. «Живот у него был раздут, а ручки и ножки невероятно, нечеловечески тоненькие и ничтожные и двигались без всякого смысла. Шеи совсем не было... Он разинул пустой, с голыми деснами, ротик и стал кричать странным жалостным криком, слабым и назойливым, однообразно и без усталости» [6, с. 236]. Коростелев, заметив разочарование Сережи, тихо сказал, что Лене только девятый день, но впоследствии он будет парень, что надо. Но Сережа сомневался, что это будет скоро, а тем более трудно за ним присматривать, ведь он как кисель и даже мама берет его очень осторожно. Он почувствовал облегчение, когда мама намерилась отдать Леню в ясли, ведь и Лида мечтала о помещении туда Виктора. Чтобы внимательно рассмотреть брата пока он не орет и не морщится, Сережа влез на кровать, дотронулся до нежной и бархатистой кожи его темно-красного личика, испытывая на ощупь. Но мама категорически запретила Сереже приближаться к Лене пока он маленький, а значит, не только знакомиться, но и общаться с ним. Когда Леня стал жить в яслях целый день своей какой-то жизнью, а по вечерам мама его кормила, купала и укладывала спать, Сережа все больше отдалялся от брата, но заметил, что он становился больше похожим на человека, хотя мог лишь держать в кулаке погремушку.

С человеческой бедой – еще одной трагической стороной бытия, пока недоступной пониманию, Сережа впервые встретился, когда к ним во двор случайно зашел дядька в плешивой ушанке, рваной одежде, ботинках с веревками вместо шнурков, недавно вышедший из тюрьмы. Почувствовав почтение к его выдающейся и таинственной судьбе, Сережа «смотрел на него с любопытством, сомнением, сожалением и некоторым страхом» [6, с. 252]. Тюрьму он представил по описаниям в книжках «с железными решетками, с бородатыми стражниками, вооруженными до зубов секирами и мечами», а дальнейший путь дядьки – как «в какой-то Чите ждет его мама и, верно, плачет, бедная... Она будет рада, когда он к ней проберется. Сошьет ему костюм и пальто. И купит шнурки для ботинок...» [6, с. 254]. На вопрос дядьки о том, хорошо ли они живут, мальчик ответил, опираясь на свой практический опыт, что хорошо. А о наличии добра, исходя из конкретной образности мышления, пояснил: «У меня велосипед есть... И игрушки есть. Всякие: и заводные и нет. А у Лени мало, одни погремушки» [6, с. 253]. Сережа не понял, почему тетя Паша загнала кур в сарай, заперла на ключ, положив его в карман; сняла скатерть со стола, предложив дядьке вчерашнего супа. Он слушал разговоры, наблюдал за поведением дядьки и взрослых. Переживая его мытарства, задавался вопросами: «Почему дядька взял простое серое, а не розовое мыло для мытья рук – «или он не знал, что умываться надо розовым, или розового ему не полагалось, как скатерти и сегодняшних щей?» [6, с. 255]. Почему он такой? Почему сидел в тюрьме? Если плохо живешь, то сажают в тюрьму? Он плохой? Зачем тогда Лукьяныч отдал ему пусть и старые валенки? Мама вновь запретила Сереже думать о сложных жизненных проблемах – о дядьке, страшной тюрьме, так как до них нужно дорасти. Она рассказала, почему укравшего тетрадку ученика не посадили в тюрьму: ведь ему всего восемь лет, а после объяснений, что и маленьким красть нельзя, он больше не сделает этого. А вечером Марьяна категорично запретила и близким разговаривать с Сережей на недоступные для него темы: «У каждого возраста свои трудности, ...и не на каждый вопрос надо отвечать ребенку. Зачем обсуждать с ним то, что недоступно его пониманию? Что это даст? Только замутит его сознание и вызовет мысли, к которым он совершенно не подготовлен. Ему достаточно знать, что этот человек совершил проступок и наказан» [6, с. 258]. Коростелев считал, что Сереже нужен четкий ответ. Заметив, что тот

не уснул, отчим шепотом, чтобы мама не услышала, объяснил значение непонятного ему термина «работник прилавка».

Важным событием в жизни семьи стала подготовка к переезду в Холмогоры, на новое место назначения Коростелева. Для Сережи оно превратилось в тяжкое испытание, причинившее ему горе и страдания, ведь он впервые встретился с предполагаемой именно для него разлукой и настоящей печалью. Название места вызвало у Сережи такой образ: «Это что-то высокое. Холмы и горы, как на картинках. Люди лазают с горы на гору. Школа стоит на горе. Ребята катаются с гор на санках» [6, с. 263]. Он рисовал Холмогоры красным карандашом на бумаге, напевая тихонько мотив, пришедший в голову для этого случая. Мама объяснила Сереже, что он по совету доктора из-за навалившихся болезней останется с тетей Пашей и Лукьянычем, как оставался раньше, когда она уезжала в город учиться. Его заберут весной или летом, когда устроятся на новом месте, а он за зиму поправится. Формализм, категоричность объяснения заставили Сережу сомневаться в правильности решения взрослых, что, в свою очередь, вызвало тяжелые эмоциональные переживания. Если болезнь после татуировки стимулировала размышления о причинах собственного поведения, то отъезд – о поведении близких и его последствиях для Сережи. Анализ своего отношения к ним, их отношений к Сереже и брату, занятий взрослых, своей болезни, способствовал сомнению Сережи в любви близких, прежде всего мамы, мысли о том, что он им не нужен. Ужасную боль и страдание вызвали попытки понять свое будущее: легко ли пережить известную ему по опыту, бесконечную, длинную, зиму; а если он до лета не поправится? Сережа страдал, не зная, как пережить одиночество и равнодушие к нему родных: «как же перенести, что они уедут, а он нет? Будут жить без него, далеко, и им все равно, все равно!» [6, с. 265]; а также детскую обиду, ведь они поедут на поезде, а его не берут. Сережа, хотя и сравнивал себя в прошлом с настоящим, не мог объяснить маме что, когда она уезжала учиться, он, маленький и глупый, отвыкал от нее и привыкал заново после возвращения. Более того, раньше «она уезжала одна, а теперь она увозит от него Коростелева» [6, с. 265].

Известие о том, что мама возьмет Леню, поражала, вызвала новое страдание. Доводы, что Леня крошечный и погибнет без нее, не только не убедили, а привели к выводу о том, что брат лучше, ведь «он здоровенький, у него не бывает температуры и не опухают железки» [6, с. 265]. Когда кормящая Леню Марьяна, улыбаясь, обратила внимание Сережи на потешный носик брата, Сережа, не увидев ничего необыкновенного, еще больше убедился в отсутствии материнской любви: «Ей потому нравится его носик, ...что она его любит. Раньше она любила меня, а теперь любит его» [6, с. 269]. Сережа смирился, если бы оставили и Леню. Ощущая свою ненужность близким, он плакал тихо и безнадежно, ведь «бросают *только его одного!* Только он один им не нужен!» [6, с. 265]. Вспомнив сказку про мальчика с пальчика, он подумал горькими словами из нее «На произвол судьбы». «И к обиде на мать – к обиде, которая оставит в нем вечный рубец, сколько бы он ни прожил на свете, – присоединялось чувство собственной вины: он виноват, виноват! Конечно, он хуже Лени, у него железки не опухают» [6, с. 265]. И такой рубец мог появиться и в отношении Сережи к брату, который лучше его и потому более любим.

В отличие от Марьяны, не замечающей переживания Сережи, Коростелев старался снизить их напряженность. Он подарил Сереже новые кубики и коричневую обезьянку; объяснил слово «надо» – когда следует поступать не как хочешь, а как требует жизнь, где таких моментов бывает сколько угодно; убеждал, что взрослые не хотят заставлять Сережу переносить возможные трудности. А Сережа был согласен, готов, жаждал их переносить с близкими, ведь любовь к ним он понимал, как единство в горе и радости. При всей убедительности слов Коростелева Сережа все острее сомневался в любви близких. Он думал, «что они оставляют его не потому, что он там расхворается, а потому, что он, нездоровый, будет им обузой. А сердце его понимало уже, что ничто любимое не может быть обузой» [6, с. 266]. На Сережу навалилось чувство беспомощности перед безграничной, огромной властью взрослых. Поэтому на обещание Коростелева, что его

оставят только до лета, он, если бы умел, сформулировал бы свое представление о разрыве взрослого и детского миров так: «думай не думай, плачь не плачь, – это не имеет никакого смысла: вы, взрослые, всё можете, вы запрещаете, вы разрешаете, дарите подарки и наказываете, и, если вы сказали, что я должен остаться, вы меня все рано оставите, что бы я ни делал» [6, с. 266]. Чувство беспомощности, вызывая сомнение Сережи в правдивости обещания Коростелева: если все взрослые иногда врут, то, возможно, и отчим тоже, приводило к безнадежному отчаянию. Терзания, опирающиеся на наблюдения за повседневной жизнью близких, способствовали ужасающему выводу: «Просто даже ему некогда будет за мной приезжать... И маме некогда. Каждый день будут к ним ходить разные люди и звонить по телефону, и всегда они будут идти по делу, или сдавать зачеты, или нянчить Леню, а я буду ждать, ждать и не дождусь никогда...» [6, с. 268]. Поглощенный ожиданием неминуемой разлуки он не мог ничем ни развлечься, ни заняться, стараясь выдержать предстоящее горе – они уедут и бросят его. Его эмоциональное воображение включалось в защиту образа «Я» при переживании конфликта [2, 3], создавая воображаемую ситуацию, которая несколько снимала напряжение от фрустрации, помогала избавиться от огорчений. Сережа играл с подаренной Коростелевым обезьянкой: «Она была его дочкой. Она была красивая, как та царевна. Он говорил ей: «Ты, брат». Он ехал в Холмогоры и брал ее с собой. Шепча и целуя ее холодную пластиковую морду, он укладывал ее спать» [6, с. 267].

Эмоциональное воображение Сережи нарисовало картины будущего, опираясь на опыт пережитых трагедий. Он представил, как будет жить с тетей Пашей и Лукьянычем, которые любят его и будут любить еще больше. «Я поеду с Лукьянычем на челне и утону. Меня закопают в землю, как прабабушку. Коростелев и мама узнают и будут плакать, и скажут: зачем мы его не взяли с собой, он был такой развитой, такой послушный мальчик, не плакал, не действовал на нервы, Леня перед ним – тьфу. Нет, не надо, чтобы меня закапывали в землю, это страшно: лежи там один... Мы будем жить хорошо. Лукьяныч будет мне носить яблоки и шоколадки, я вырасту и стану капитаном дальнего плавания, а Коростелев и мама будут жить плохо, и вот в один прекрасный день они придут и скажут: разрешите дрова попилить. А я скажу тете Паше: дай им вчерашнего супу...» [6, с. 270]. Эта история вызвала у Сережи такую непереносимую грусть, жалость к Коростелеву и маме, что полились слезы. Но, вспомнив данное Коростелеву обещание, он перестал плакать. И при прощании Сережа произвольно, изо-всех сил сдерживал слезы. «И одна единственная слеза просочилась на его ресницы и заблестела в свете фонаря – слеза трудная, уже не младенческая, а мальчишеская, горькая, едкая и гордая слеза...» [6, с. 274]. И тогда Коростелев, прекрасно понимая и эмоциональное состояние Сережи, и возможные последствия для его душевной жизни отказа в переезде, взял на себя ответственность за его физическое и психическое здоровье, дальнейшую судьбу. Он помог Сереже собраться, не слушая возражений мамы и тети Паши, но при одобрении Лукьяныча. Сережа, несмотря на большое неудобство в кабине машины, был рад, что едут все вместе, что Коростелев всех любит, за всех отвечает и всех привезет в Холмогоры. Он был благодарен Коростелеву за надежду на лучшее будущее, уверен в его силе и возможности ее защитить: «Господи ты боже мой, мы едем в Холмогоры, какое счастье! Что там – неизвестно, но, наверное, прекрасно, раз мы туда едем!» [6, с. 275]. Повесть оканчивается не только переездом, но и переходом Сережи от лучезарного, радостного детства к мальчишеской ступени, где есть горе и страдания. Его взросление обусловлено становлением возможностей их понять и пережить – достижениями в познании мира и нравственном отношении к нему.

Завершив повесть счастливой и трогательной концовкой, Панова верила, по мнению А.А. Нинова, «что при всей сложности жизни, вопреки всем ее огорчениям и обидам, знакомым уже с детства, человек создан для счастья и может быть исцелен только им» [5, с. 180]. Но у Сережи сохранилось ощущение связи лишь с одним взрослым – Коростелевым, так как именно он везет всех в новую жизнь. Поэтому вопрос о счастливом финале

проблематичен, ведь неизвестно, изменится ли позиция Марьяны в общении с Сережей, как сложатся его отношения с ней и младшим братом.

Выводы. Взгляды В.Ф. Пановой о взрослении или психическом развитии в дошкольном детстве остаются актуальными для понимания психологии детства и в настоящее время. Этот процесс писательница характеризует следующим образом. 1) Он протекает в трех непосредственно окружающих ребенка мирах: мире природы, животных, предметов, маленького городка и улицы проживания; в группе товарищей с этой улицы; в семье с близкими взрослыми. 2) Ведущими факторами взросления являются, с одной стороны, умственная и практическая деятельность малыша по осмыслению и вхождению в каждый из этих миров, а с другой, общение со взрослым, стоящим на гуманистической, лично-ориентированной, гендерной позиции в отличие от авторитарной, формально-педагогической. 3) Важнейшими приобретениями дошкольника выступают формирующиеся у него, во-первых, произвольность поведения и деятельности, познавательных и эмоциональных процессов, во-вторых, интеллектуальная деятельность в сфере размышлений о трех мирах, осознания своего места во взаимоотношениях с каждым из них, но, прежде всего, с близкими в соответствии с главной нравственной нормой – справедливостью и, в-третьих, образ себя в единстве знаний о себе и отношения к себе, осознания своей половой принадлежности и себя во времени. 4) Индивидуальность ребенка выражается в открытости и доверии к миру, высоком уровне познавательной активности, высокой чувствительности к следованию нравственным нормам. 5) Безоблачное детство заканчивается встречей ребенка с трагическими тайнами человеческого бытия – смертью, разлукой, печалью, знаменуя переход к новой ступени психического развития.

Литература

1. *Богуславская З.Б.* Сережа // Богуславская З.Б. Вера Панова. Очерк творчества. М.: Гос. изд-во Художественной литературы. 1963. С. 103-120.
2. *Дьяченко О.М.* Развитие воображения дошкольника. М.: Международный Образовательный и Психологический Колледж. 1996. 197 с.
3. *Запорожец А.В.* К вопросу о генезисе, функции и структуре эмоциональных процессов у ребенка // Запорожец А.В. Избранные психологические труды: В 2-х т. Т. 1 Психическое развитие ребенка. М.: Педагогика. 1986. С. 260-275.
4. *Запорожец А.В.* Психология восприятия ребенком-дошкольником литературного произведения // Запорожец А.В. Избранные психологические труды: В 2-х т. Т. 1 Психическое развитие ребенка. М.: Педагогика. 1986. С. 66-77.
5. *Нинов А.А.* Дети вступают в жизнь // Нинов А.А. Вера Панова. Очерк творчества. Л.: Лениздат. 1964. С. 164-180.
6. *Панова В.* Сережа. Несколько историй из жизни очень маленького мальчика // Собрание сочинений: В 5 т. Л.: «Художественная литература». Ленинградское отделение. Т. 3 Повести и рассказы. 1988. С. 188-275.
7. *Панова В.* Ясный берег. Повесть // Собрание сочинений: В 5 т. Л.: «Художественная литература». Ленинградское отделение. Т. 3 Повести и рассказы. 1988. С. 6-187.
8. *Пиаже Ж.* Речь и мышление ребенка. М.Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство. 1932. 412 с.
9. *Плоткин Л.А.* Сережа, Коростелев и другие // Плоткин Л.А. Творчество Веры Пановой. Л.-М.: Советский писатель. 1962. С.109-133.
10. *Смирнова Е.О.* Психология ребенка. М.: КРОНУС. 2016. 280 с.
11. *Тевекелян Д.В.* Поведут наш караван. Кое-что о корневой системе // Тевекелян Д.В. Вера Панова. М.: Советская Россия, 1980. С. 114-124.
12. *Урунтаева Г.А.* Детская психология. 4-е изд., испр. и доп. М.: ИНФРА-М. 2020. 384 с.
13. *Чуковский К.* От двух до пяти // Собр. соч. в 6 т. М.: Изд-во «Художественная литература». 1965. Т. 1. С. 335-724.

14. Эльконин Д.Б. Детская психология. 3-е изд., стереотип. М.: Издательский центр «Академия», 2006. 384 с.

References:

1. Boguslavskaya Z.B. Serezha // Boguslavskaya Z.B. Vera Panova. Essay of creativity. M.: State Publishing House of Fiction. 1963. pp. 103-120.
2. Dyachenko O.M. The development of the imagination of a preschooler. M.: International Educational and Psychological College. 1996. 197 p.
3. Zaporozhets A.V. On the question of the genesis, function and structure of emotional processes in a child // Zaporozhets A.V. Selected psychological works: In 2 vols. Vol. 1 Mental development of a child. M.: Pedagogy. 1986. pp. 260-275.
4. Zaporozhets A.V. Psychology of perception by a preschool child of a literary work // Zaporozhets A.V. Selected psychological works: In 2 vols. Vol. 1 Mental development of a child. M.: Pedagogy. 1986. pp. 66-77.
5. Ninov A.A. Children come into life // Ninov A.A. Vera Panova. Essay of creativity. L.: Lenizdat. 1964. pp. 164-180.
6. Panova V. Serezha. A few stories from the life of a very young boy // Collected works: In 5 t. 1.: "Fiction". Leningrad Branch. Vol. 3 Novellas and short stories. 1988. pp. 188-275.
7. Panova V. Yasny bereg. Novella // Collected works: In 5 t. 1.: "Fiction". Leningrad Branch. Vol. 3 Novellas and short stories. 1988. pp. 6-187.
8. Piaget J. Speech and thinking of a child. M.L.: State Educational and Pedagogical Publishing House. 1932. 412 p.
9. Plotkin L.A. Serezha, Korostelev and others // Plotkin L.A. Creativity of Vera Panova. L.-M.: Soviet writer. 1962. pp.109-133.
10. Smirnova E. O. Psychology of the child. M.: KRONUS. 2016. 280 p.
11. Tevekelyan D.V. Will lead our caravan. Something about the root system // Tevekelyan D.V. Vera Panova. M.: Soviet Russia, 1980. pp. 114-124.
12. Uruntaeva G. A. Child psychology. 4th ed., ispr. and add. M.: INFRA-M. 2020. 384 p.
13. Chukovsky K. From two to five // Collected works in 6 volumes. M.: Publishing house "Fiction". 1965. Vol. 1. pp. 335-724.
14. Elkonin D.B. Child psychology. 3rd ed., stereotype. M.: Publishing Center "Academy", 2006. 384 p.